

Глава 10. Будто и впрямь стали супругами

—

Шужуй в спешке взбежал на второй этаж гостиницы и попросил Цин-гера принести запасной ключ, чтобы отпереть комнату Лу Лина.

Оба они занимали крошечные дешевые каморки, но комната Лу Лина была совсем тесной: кроме кровати, в ней не было ровным счетом никакой мебели. Шужуй окинул помещение взглядом — его дорожного узла нигде не было видно.

Сердце тревожно забилося. Он бросился к кровати и откинул единственное место, где можно было что-то спрятать — тюфяк. Постель с шорохом разлетелась в стороны, и взору открылся тяжелый длинный меч, преспокойно «покоившийся» в складках одеяла.

У Цин-гера дернулся уголок рта:

— Надо же, как этот брат Лу дорожит своим клинком.

Шужуй выдавил из себя смешок, но в душе почувствовал огромное облегчение. Хоть он и не разбирался в оружии, но даже если сдать этот меч в переплавку как лом, он наверняка потянул бы на добрые десять-двадцать гуаней. Если Лу Лин оставил меч, значит, он не сбежал — такие вещи не бросают.

Главное, что этот тип не укатил с его ослом и повозкой. Сейчас Шужуй никак не мог себе позволить подобную потерю: человек-то бог с ним, а вот осел с телегой стоили никак не меньше десяти гуаней.

Шужуй и Цин-гер вышли из комнаты и снова заперли дверь. Но тут в голове возникла путаница: меч не взял, голова не совсем ясная, а ослиную повозку вывел... Что же он задумал?

Не зная, в какую сторону тот уехал, искать его было бесполезно, и от этого Шужую стало по-настоящему досадно. «Лучше бы я взял его с собой за черепицей, только время потерял», — сердито подумал он.

Поворчав немного, он сказал Цин-геру:

— Иди по своим делам, всё в порядке.

Цин-гер ушел, а Шужуй еще какое-то время прождал в гостинице, но Лу Лин так и не возвращался. День стоял ясный, работа не ждала, и томительное ожидание начало его злить. Он наказал Цин-геру передать Лу Лину, чтобы тот искал его в лавке, и отправился к своей гостинице.

Придя на место, Шужуй не сразу взялся за комнаты — работы было невпроворот и во дворе. Всё заросло бурьяном, некоторые сорняки были в человеческий рост. Вчера осел, пока стоял на привязи, изрядно их пощипал, оставив после себя лишь жесткие стебли. Шужуй взялся за мотыгу и принялся один за другим выкорчевывать корни.

Двери были распахнуты настежь, и соседка Ян, у которой в лавке было затишье, зашла на шум. Глядя на запущенный двор, она печально вздохнула:

— Дому, как и дороге, нужно человеческое присутствие. Стоит людям уйти, и за пару-тройку

лет всё придет в упадок.

Шужуй обернулся:

— И не говорите, госпожа. Сегодня ходил в мастерскую насчет черепицы — цены просто кусаются. Чтобы перекрыть крыши только в этих комнатах, уйдет не меньше десяти гуаней. А ведь я еще не считал мебель, разбитые стены и плитку на полу.

— Да уж, думаю, меньше чем в шестьдесят-семьдесят гуаней ремонт этой гостиницы тебе не встанет. Место-то просторное. Будь у тебя лавочка как у меня — маленькая витрина спереди да комнатка сзади — в двадцать-тридцать гуаней бы уложился.

Шужуй вздохнул:

— А что поделать? Это наследство от родных, досталось мне даром. Хорошее оно или плохое, я должен быть только благодарен, не пристало мне жаловаться.

Госпожа Ян кивнула. Ей казалось, что Шужуй — юноша работающий и скромный, видать, из простой семьи. Видя, как двое братьев приехали восстанавливать старое дело, она невольно прониклась сочувствием, вспоминая свои былые трудности:

— Ничего, потихоньку всё наладится. Помню, когда муж только помер, а ребенку всего два года было, свекры во всем помогали старшей ветви семьи... Тяжело мне тогда пришлось. Но я стиснула зубы и тянула свою лавку. Пусть прибыли не золотые горы, зато сама себе хозяйка, не надо ни перед кем руку тянуть и в лицо заглядывать.

Шужуй, услышав о судьбе госпожи Ян, искренне ей посочувствовал и восхитился её стойкостью:

— Ваши слова очень воодушевляют. Простым людям всегда непросто, но жить-то надо. Прожигать жизнь, как бездельник или негодяй, конечно, легче, но такая жизнь — как гнилой кусок мяса, в ней нет смысла. Раз уж живем, надо трудиться и стремиться к лучшему, чтобы в жизни был хоть какой-то вкус.

— Это верно. Перемелется — мука будет, вот откроешь лавку, и всё пойдет на лад.

Госпожа Ян чувствовала в Шужуе внутреннюю силу. Это было куда приятнее, чем слушать нытье тех, кто только и умеет, что жаловаться на судьбу. Она вышла через заднюю дверь и принесла Шужую сочную вымытую грушу, чтобы тот утолил жажду. И тут она заметила, что он трудится в одиночку:

— А где же твой брат?

При упоминании этого человека в душе у Шужуя вспыхнуло раздражение. Этот глупый малый вечно ведет себя как мальчишка, который и играть-то толком не умеет, а только время у взрослых отнимает. Вот поймаю его — задам трепку!

Но не успел Шужуй и слова сказать о нем плохого, как со стороны входа в общий зал бесшумно скользнула черная тень. Лу Лин вырос посреди двора так внезапно, что госпожа Ян от неожиданности аж икнула. Шужуй-то уже привык к его манере появляться как привидение, но момент был идеальный, чтобы сорвать злость:

— Ни звука не издашь! До смерти напугать кого хочешь?!

Лу Лин вытер пот со лба, глядя на Шужуя и не понимая, чего это тот вдруг так разбушевался.

— Ты где пропадал? Зачем телегу с ослом увел?

— На пристани, — ответил Лу Лин. — Пришел грузовой корабль, платили по пятьдесят монет за одну телегу разгруженного товара.

— О, так тебе удалось перехватить работу? — вклинилась госпожа Ян. — На пристань частенько заходят большие суда, многие сильные мужчины там ошиваются в поисках подработки. Если не лениться, в удачный день можно и две сотни монет заработать.

Узнав, что Лу Лин ходил искать работу, госпожа Ян рассыпалась в похвалах и сказала Шужую:

— С повозкой возить грузы и легче, и заработок выше. Сейчас, когда вам лавку чинить, любая монета в радость.

У Шужуя екнуло сердце. Он никак не ожидал, что Лу Лин отправился на заработки. Неловко коснувшись кончика носа, он спросил:

— Так ты осла-то привел? Я в мастерской черепицу заказал, надо забрать, пока не закрылись.

— Я сам съезжу.

— Да ты и места-то не знаешь. Иди в гостиницу, отдохни сперва, мне всё равно там еще по счету платить.

Госпожа Ян, видя, как они наперебой рвутся в бой, только улыбалась:

— Да идите вы вдвоем, и грузить будет быстрее. Управитесь засветло, не придется в темноте возиться.

Шужуй решил, что в этом есть смысл, и спорить не стал. Они поспешили в гостиницу за ослом.

Пока ехали, Шужуй заметил, что Лу Лин весь взмок от пота. Видать, как пришел в лавку, так воды и не попил, снова в путь. Он вытер грушу, которую ему дала госпожа Ян, и протянул её Лу Линю — своего рода молчаливое извинение.

Лу Лин церемониться не стал, взял грушу и с хрустом вонзил в неё зубы. Другой рукой он сорвал с пояса кошелек и протянул Шужую. Жевал он грушу и правил повозкой:

— Сделал четыре ходки. Двести монет.

— Оставь себе, мне не нужно.

Шужуй попытался всунуть кошелек ему обратно, но Лу Лин возразил:

— Все эти дни за еду и жилье платишь ты. Ты в хозяйстве и расчетах смыслишь больше моего, у тебя эти деньги целее будут. К тому же, где это видано, чтобы женатый мужчина заработанное не отдавал своему фулану?

Шужуй поджал губы, чувствуя, как лицо заливают краской. Раньше Лу Лин тоже болтал всякое, но Шужуй пропускал это мимо ушей или отшучивался так, что собеседнику самому становилось неловко. Но Шужуй был человеком дела: когда Лу Лин не просто сказал, а принес заработанные деньги и отдал ему — это было совсем другое чувство. Будто и впрямь стали

супругами. Как бы он ни закалял свой характер, против такого довода у него не нашлось оружия.

К тому же, вспоминая прошлое, он часто видел в деревне у дяди женатых учеников, которые проматывали деньги на гулянках, пока их жены или фуланы жили в бедности дома. Тогда он втайне решил: когда придет время искать пару, он обязательно спросит, готов ли мужчина отдавать весь заработок ему на хранение. Если хочешь семью — отдавай деньги. Если нет — какой бы красавец ни был, Шужуй бы на него и не взглянул. Если у мужчины в карманах много лишних денег, он быстро портится.

До свадьбы — дело его, а в семье всё должно быть общим. Как мог один из них жить беззаботной и счастливой жизнью, а другой каждую монету считать. Планы у Шужуя были отличные, да только найти такого честного мужчину — задача не из легких. В юности, когда чувства только пробуждались, он гулял с одним смазливym книжником, стихи читали, на ярмарки ходили. Тот клялся перед ликом Бодхисаттвы, что когда сдаст экзамены и выбьется в люди — непременно на нем женится.

Шужуй тогда подумал: с его-то талантами сдать экзамены — это скорее солнце на западе взойдет. И сказал ему: «Не надо клясть про экзамены, поклянись лучше, что после свадьбы будешь все деньги мне отдавать». Книжник тотчас прикусил язык. Шужуй тогда лишь холодно усмехнулся и сразу оборвал все связи.

От этих воспоминаний лицо Шужуя разгорелось еще сильнее, он уставился на дорогу впереди:

— Не возьму. Сам храни.

— Тебе что, мало? — Лу Лин пристально посмотрел на него, заметив, как тот смущен.

— Ничего не мало, — Шужую было неловко, но терпеть такую несправедливость он не мог. — Большие деньги из малых складываются. Кто медяки за деньги не считает, тот их сам никогда честным трудом не зарабатывал. На двести монет несколько дней сытно есть можно.

Лу Лин снова протянул ему кошелек:

— Тогда возьми, и я тебе поверю.

Шужуй нахмурился:

— Веришь ты мне или нет, я не возьму.

Пока они препирались из-за кошелька на медленно ползущей телеге, один старик, сидевший у обочины и долго наблюдавший за этой сценой, не выдержал. Он подбежал к ним с разбитой плоской в руках:

— Господа хорошие, раз уж вам деньги не нужны, отдайте их мне! Я три дня не ел, в глазах темнеет, помираю с голоду!

Шужуй посмотрел на нищего: одежда в лохмотьях, но руки-ноги на вид крепкие. Он сухо кашлянул и молча спрятал кошелек в рукав.

— Господа, будьте милосердны, подайте хоть пару медяков!

— В следующий раз, обязательно в следующий раз!

Сказав это, Шужуй незаметно ткнул Лу Лина, чтобы тот прибавил ходу, и они быстро оторвались от бегущего за телегой попрошайки.

—

<http://bllate.org/book/17079/1595018>